

ДЕТИ ВОЙНЫ

Цикл рассказов

В страшные горестные годы Великой Отечественной войны дети выросли быстро. В тяжкое для страны время они уже понимали для своей судьбы к судьбе Отечества, сознавали себя частицей своего народа, стараясь ни в чем не уступать взрослым, порою даже рискуя жизнью. Дети, которые еще совсем недавно были беспечны и простодушны. Как много им пришлось испытать в те годы!

Убить человека для них не составляло труда

Семья наша жила в деревне Малеево (ныне не существует) Лотошинского района Московской области. Родители трудились в колхозе: отец возил на лошадях древесину для колхозного строительства, а мать работала на конюшне, ухаживала за колхозным молодняком – необученными, необъезженными лошадьми. Мы вместе с братом Иваном, который был на четыре года старше, помогали матери. Нам доверяли выпускать лошадей по специально построенному заграждению к реке на водопой, а пока лошади пьют, мы чистили загоны. Тяжелым трудом от зари до зари давался достаток в доме: перед войной семья заработала на трудодни много зерна и муки, а урожай картофеля выдался просто небывалый. Жить бы да радоваться, но война все изменила. В 1941 году мне было восемь лет.

Фашисты в село пришли осенью 1941 года, когда еще пасли скот на лугах. Целое стадо коров и других домашних животных они угнали из Малеева в Лотошино, думая, что скот колхозный, а это был личный скот жителей. Все стали жаловаться, что остались без кормильцев. Невероятно, но скот немцы вернули, хотя потом все равно всех животных они же и съели. Дом у нас был большой, хороший. Сначала к нам поселились молодые немецкие солдаты. Они вели себя тихо, прилично, говорили, что они студенты и на войну вовсе не хотели идти. Из дома родители присылали им посылки. Позже к нам поселили офицера, который занял больше половины дома. Офицер вел себя пристойно, хотя симпатии не вызывал. Мы понимали: это захватчик, враг. У офицера был денщик, которому моя мама говорила про офицера: «Чтоб его застрелили!» Денщик, поигрывая на пальце пистолетом, пригрозил: «Матка, за такие слова тебя уьем!»

Убить человека для них не составляло труда

Убить человека для них не составляло труда. Мне стало понятно после одного случая. Зима 1941 года была очень снежной. Дети сидели по домам, меня мать гулять не пускала, а вот ребят 1926-1927 годов рождения немцы собирали по домам и заставляли чистить снег лопатами на дорогах и около домов, где жили захватчики. Но однажды я все-таки оказалась на улице и увидела немца, который стрелял из пулемета. По небу летел наш самолет, и фашист целился прямо в него. Вдруг пулемет перестал стрелять, немец задергался, засуетился. Я засмеялась, а он как затопает на меня ногами. От испуга я убежала домой.

Некоторое время спустя в нашем большом доме немцы решили устроить свой штаб. Так мы узнали, что в декабре 1941 года фашистов стали теснить наши войска. Однажды на собрание в штаб пришло много солдат, вооружены они были топорами, ухватами, палками, оружия не было. Ноги их были обмотаны разрезанными на части одеялами – вид довольно жалкий.

Скоро нас с матерью, братом и бабушкой выгнали жить в другой дом. Захватчики не знали, что в другом доме жил мой дед, отец моего отца. Его на фронт не взяли, потому что у него не было одной руки. Погиб он как герой, оказав врагам сопротивление: не побоялся возразить и не отдал пилу, которую у него потребовали, и фашисты его застрелили.

Когда мы жили у деда, мама каждый день готовила в печке еду на всю семью: варила щи, картошку. Благодаря сделанным запасам, мы не голодали. Однажды пришли к нам советские разведчики. Помню, как мать усадила их за стол и кормила щами и кормила из одной большой общей миски. Мы уже чувствовали и верили, что освобождение близко. Накануне утром немецкий офицер пришел и сказал: «Шнель! Лотошино!» В начале января многих жителей деревни Малеево фашисты перегнали в деревню Карлово через речку. И вот с бугра, расположенного на возвышенности, нам было видно, как внизу по сугробам пробираются в маскхалатах наши бойцы. 16 января 1942 года село освободили.

Люди стали возвращаться в свои деревни. Нужно было налаживать жизнь, нужно было помогать фронту и много трудиться. Нужно было где-то брать силы, чтобы выжить. Чтобы не голодать, ходили по полям, собирали и ели мороженую картошку, переделывали ее в крахмал. Ели и останки животных, найденные за домом, где немецкие повара забивали и разделывали скот. Дети войны, мы быстро повзрослели. Мы видели и пережили то, что не должно больше никогда повториться.

«Оказала помощь в задержании фашистской разведки»

Нина Алексеевна Маслакова родилась в 1932 году в село Павловская Слобода. По доносу в 1933 году ее отца и еще 14 человек, в основном организовавших работу в колхозе и отдавших туда собственную землю и скот, арестовали и судили. Чтобы спасти себя и детей, мать увезла Нину и ее брата Юрия в деревню Тимошкино (ныне Красногорского района) и устроилась работать учительницей. Все детство Нину называли дочерью врага народа, доходило до того, что многие родители запрещали своим детям дружить с ней. В школе, несмотря на прилежную учебу, у девочки возникали проблемы с учителями.

Война не обошла стороной Нину Алексеевну. В конце 1941 года под Москвой шли ожесточенные бои, немцы дошли до Чеснокова и Обушкова. В то время Нина с матерью и братом жила при школе в Тимошкине, буквально на линии фронта. Советские солдаты, находившиеся в деревне, ушли на передовую, остались только женщины и старики. Однажды рано утром мать Нины, собираясь сходить за водой, увидела у крыльца немцев в белых халатах. Те, представившись русской разведкой, попросили воды и, напившись, ушли. Мать решила отвести детей к бабушке в Петрово-Дальнее. Путь пролегал через лес мимо минных полей.

Вокруг не было ни души, как вдруг из оврага неожиданно выехал немецкий автомобиль, выскочили солдаты и, предлагая подвезти, буквально на руках затолкали их в машину. По дороге один из мужчин постоянно расспрашивал мать Нины обо всем, что видел за окном, остальные молчали. Наконец пора было выходить, женщина попросила остановить машину, но солдаты ехали дальше. Тут уже и брат Нины Алексеевны, пятиклассник Юрий, все понял. Спаслись они чудом – неожиданно на встречу машине вышли советские солдаты, чтобы проверить документы. Воспользовавшись моментом, мать выскочила из машины и рассказала военным, что это немцы. Вот так женщина вместе с детьми оказала помощь в задержании фашистской разведки.

Между тем война продолжалась. 1942 год был очень голодным. Доходило вплоть до того, что питались замерзшими трупами лошадей. Умиравшую от голода мать спасли односельчане, принося ей последние свои продукты. Нелегкая жизнь была в годы войны, женщины и дети весь день работали в колхозе, а ночи проводили в бомбоубежище. При этом ребята еще успевали учиться в школе. Спустя долгих четыре года, к всеобщей радости, война закончилась. В 1950 году Нина Алексеевна закончила школу, а в 1956 году вернулась в Павловскую Слободу.

Александр Золотарев,
выпускник Павловской СОШ

Елена была последним, шестнадцатым ребенком в большой и дружной крестьянской семье. В 1932 году семья Архиповых переехала из деревни в крупный город Нижний Новгород (с 1933 по 1990 год – Горький), в котором тогда зарождалось советское автомобилестроение. Людям, желающим принять участие в стройке века, раздавали земли. Вот так глава семьи Сергей Матвеевич смог купить клочок земли, где была выстроена изба, в которой 6 сентября 1933 года родилась моя мама - Елена Сергеевна Архипова.

Девочке было 7 лет, когда из черной тарелки репродуктора прозвучало страшное слово «война». На всю жизнь запомнились последние слова диктора: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет с нами!». Все стали плакать, а глава семейства сказал: «Надо копать землянку». И в огороде по всем правилам военного дела наш дед, опытный солдат Сергей Матвеевич, выкопал блиндаж, с бревенчатым накатом, с нишей для свечи. Старшую сестру 15-летнюю Анюту направили в лесозаготовки, где она трудилась все годы войны. Взрослые валили деревья, а подростки обрубали топором сучья. Работники жили в бараках, так что домой мамина сестра приходила только на выходные.

В июле 1941 года пришла повестка на фронт старшему брату, которому два месяца назад только исполнилось 18 лет. Провожать на сборный пункт ходили всей семьей. В памяти остались слова песни: «Дан приказ ему на запад». Для маленькой Лены это было страшным горем, девочка как будто предчувствовала, что Егор уже не вернется. Она обхватила детскими ручонками старшего брата, и их долго не могли разъединить. Тогда военком отозвал отца и разрешил прийти на сборный пункт завтра, но предупредил, что девочку надо оставить дома. На следующий день Лену заперли одну в сарае и снова ушли провожать Егора.

Домой стали приходиться треугольники - письма с фронта (жаль время их не сохранило). Как-то в огород залетела стая птиц, и бабушка с ужасом сказала: «Не к добру!» Вскоре почтальон принесет в дом страшное известие «Ваш сын, красноармеец Архипов Егор Сергеевич, проявив геройство и мужество, был убит 15 августа 1942 года и похоронен северо-восточнее деревни Луково. Егору было всего 19. В память о нем на фасаде избы дед прибил красную фанерную звезду. Так делали все, в чей дом не вернулись с войны близкие. На старом фотоснимке Егору 16: открытое светлое лицо, русые волосы, чистые добрые глаза. А еще остались слова, которые он сказал на прощанье моей маме: «Не скучай, жди меня!»

«Девочка как будто предчувство вала»

*Егор Сергеевич Архипов.
1939 год*

«Девочка как будто предчувствовала»

Вероника Борисовна Маслова,
руководитель клуба «Апрель»

С начала ноября 1941 года город стали бомбить. Сидя в землянке, маленькая Лена уже могла по гулу различить наши и фашистские самолеты. В тяжелые годы войны многие предприятия города в кратчайшие сроки были переориентированы на выпуск военной продукции – вот их и бомбили фашисты. На места ушедших на фронт мужчин встали женщины и дети (с 10-11 лет) . Выполняя задания, люди сутками не выходили из цехов. Лена слышала рассказы очевидцев, как после бомбовых ударов рабочих разбрасывало по цеху, людей иногда снимали с потолочных ламп. Ремонтники, монтажники и строители, работая по 18-19 часов в сутки, быстро восстанавливали завод.

Летом Лена с другими детьми собирала осколки бомб, сдавали лом, по городу ходила специальная машина – стране нужен был металл. В доме жили военные, рядом стояла зенитная артиллерийская часть. Солдаты угощали ребенка армейской тушенкой, разводили заграничный яичный порошок. Это было необыкновенное лакомство, когда кругом голодали. Чтобы люди могли прокормиться, раздавали участки. Всю войну мамы сестры копали землю и выращивали картофель, чтобы прокормиться. Моя бабушка, Аксинья Осиповна, стригла баранов и пряла шерсть, а мама в свои 7-12 лет вязала солдатам носки, которые потом отправляли на фронт.

В мае 1945 пришла долгожданная Победа. Люди кричали «Ура!», прыгали, поздравляли друг друга. С войны стали возвращаться солдаты. Запомнились разговоры о Германии: «Там такая чистота, у них в сарае уютнее, чем у нас в квартирах». Война закончилась , карточки отменили , каждый апрель снижали цены на продукты, жизнь постепенно налаживалась.

Семья долго не могла отыскать могилу погибшего в 1942 году Егора. И только недавно выпускница Павловской школы Любовь Коршунова, которая работает в музее Великой Отечественной войны на Поклонной горе, смогла помочь. И теперь мы знаем, что на речке Истра Павловского сельского совета (невероятно!) в деревне Бурково Темкинского района Смоленской области в братской могиле в 1954 году были перезахоронены офицеры и солдаты 33 армии Западного фронта и Архипов Егор Сергеевич в том числе.

«Я никогда не выбрасываю хлеб»

Я родилась 14 марта 1934 года в Гжатском районе (ныне Гагаринский) Смоленской области. Когда началась война, мне было 7 лет, в школу я не ходила. Мама умерла, когда мне было четыре года. Отец нас бросил и женился на другой женщине. В 1941 году я была в детском доме в Рязани. Детство мое было голодное и холодное, не дай Бог кому пережить то, что пережили мы. Однажды во время бомбежки двух моих сестер засыпало землей. Их откопали, но младшая Настя так и не оправилась. Она умерла ночью рядом со мной.

Ели гнилую картошку и очистки, побирались по помойкам. Детский дом я помню плохо, помню лишь немцев. Мы ходили к ним на кухню и просили еды, они нас не били и угощали. В первый класс я пошла только в 1944 году. Вспоминать свое детство очень тяжело, перед глазами до сих пор стоит ужас, который пришлось пережить: бомбежки, пожары, трупы людей, постоянный страх, голод. Я никогда не выбрасываю хлеб, потому что знаю ему цену.

В Смоленской области около деревни Горки есть в лесу место, где располагается фашистский концлагерь. Уже после войны там не росли деревья и не пели птицы (как в песне), пахло лекарством, кругом была натянута колючая проволока. Очень страшное место. Мы ходили собирать грибы в этот лес и сразу же, вспоминая все страдания, это место обходили стороной. Жуткое зрелище: выжженная трава, сухие деревья и тишина. Свое детство я вспоминаю неохотно, хотя оно все-таки было. Мы иногда и веселились и пели песни, а по ночам снова плакали и просили есть.

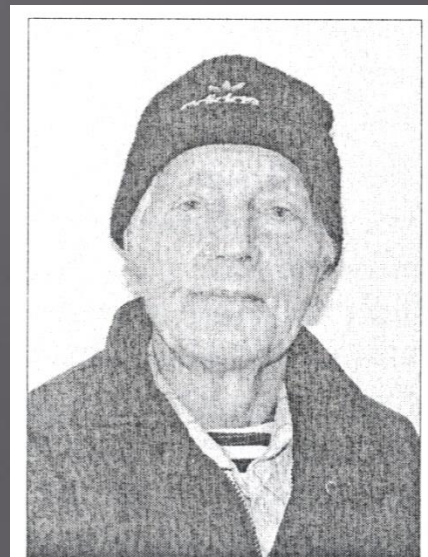
Евдокия Федоровна Мишина,
жительница села Павловская Слобода

Первые успехи с полей укрепили веру в победу

Мне было всего два месяца, когда семья в 1929 году переехала в деревню Исаково Истринского района. А детство мое, как и у всех моих сверстников, закончилось в июне 1941 года. В один из первых дней войны фашисты сбросили бомбы вблизи родной деревни, жители от бомбежек стали спасаться в близлежащем лесу. В пользу государства у населения отобрали радиоприемники, велосипеды, половину колхозных лошадей. Все взрослые мужчины ушли на фронт, работать стало некому. Кинули клич: все, кто может – старые и малые - идите работать в колхоз.

Наступило голодное время, выменивали вещи на еду, ездили с этой целью вплоть до Волоколамска и Лотошино. Колхозную землю порой приходилось копать даже лопатами. Поскольку земли было не много, обрабатывали все до последнего клочка. Работали под лозунгом: «Все для фронта, все для Победы!» При этом дисциплина была очень суровая: не тащить, не шептать, не разговаривать. Дети научились косить, пахать, запрягать лошадей. И таких долгих четыре года.

Повседневная жизнь тружеников тыла складывалась из простых дел: сельскохозяйственные работы в колхозе (продовольствие для фронта), заготовка дров для паровозов. Женщины вязали шерстяные изделия для отправки бойцам на фронте. Когда осень. 1941 года собрали урожай с колхозных полей, появилась надежда, что выживем. Первые успехи с полей укрепили веру в победу.

*Анатолий Алексеевич
Рослов*

«Первые успехи с полей укрепили веру в победу»

Хотя в других городах и населенных пунктах было много разрушений, в деревне Исаково дома практически не пострадали. И хотя немецкие самолеты часто «охотились» на военную базу в Павловской Слободе, бомбы большей частью падали в лобановский пруд. Вероятно, противнику водная поверхность казалась отражением стекол. База же была надежно накрыта зеленой сетью и выглядела безобидным лугом. Недалеко от Исакова тоже была «ложная цель» - гурты с брикетами готового торфа. Издалека она казались скоплением военной техники, немцы бросали на них зажигательные снаряды.

В пятидесятые годы у жителей деревни сложилась традиция участвовать в праздновании Дня Победы: с песнями строем шли в Павловскую Слободу, где с приходом исаковских начинался митинг. В один из таких дней одному из ветеранов пришла в голову мысль поставить погибшим землякам памятник в деревне Исаково. Пять лет ушло на подготовку: обдумывали, получали разрешения, выбрали понравившийся образец. Затем запросили в военкомате список погибших, разработали проект и выбрали наилучшее место для разрешения монумента. Строили два года, в основном своими силами на средства благодарных жителей. Теперь ежегодно жители Исакова в День Победы собираются у своего мемориала и почитают память земляков на их малой родине.

Анатолий Алексеевич Рослов,
житель деревни Исаково

«Вагоны поезда были переполнены людьми...»

В 1944 году моей бабушке, Нине Ивановне Новиковой, было 6 лет. В это время она жила в деревне Высокое Калужской области. Когда немцы были на подходе к деревне, местные жители решили уйти глубоко в лес, покинув дома и хозяйство. Там разбили большой лагерь, а за едой по ночам возвращались в деревню, когда немцев там не было. По словам бабушки, немцы не проявляли никакой агрессии к ним, не издевались, никого не били, они просто приходили и забирали всю еду. Так некоторое время они жили в лесу, пока деревню полностью не разбомбили, не оставив ни одного дома. Из-за отсутствия еды жителям пришлось оставить лагерь. В течение двух дней они пробирались по лесу, пока не наткнулись на партизанский отряд. Партизаны рассказали о поезде, отправлявшемся в Пруссию.

На этом поезде они отправились в Белоруссию. Вагоны поезда были переполнены людьми, так что нельзя было пошевелиться. И там, в Белоруссии они пробыли до мая 1945 года, а после победы вернулись в родную деревню. Деревню пришлось строить заново. Поначалу для того, чтобы хоть как-то выжить, строились временные домики размером 3 на 3 метра, в них люди спали на полу. Ни одеял, ни подушек, ни простыней – ничего не было. По словам бабушки, матрасами и подушками служили мешки с сеном, укрывались вместо одеял верхней одеждой. Колхоз выдавал одну корову на две семьи. Это была существенная помощь со стороны государства. Так как имея в день по 10 литров молока на семью, выжить было гораздо легче. Бабушка, будучи семилетней девочкой, работала на поле рядом со взрослыми людьми. Так продлилось до 1950 года, пока она не уехала в Москву.

Дмитрий Правда,
выпускник православной школы «Рождество»

«Колхозницы сами впрягались в плуг»

Во время войны все работали на победу. Бойцам на фронте нужно было продовольствие, а в колхозах и совхозах практически не осталось мужчин. К сельскохозяйственным работам привлекались дети, начиная с 10-12 лет. Моя мама, Нина Алексеевна Маслакова, 1930 года рождения, с начала и до конца войны прошла эту суровую трудовую школу. Жили они тогда в деревне Тимошкино недалеко от села Павловская Слобода. Никакой техники не было, большинство лошадей забрали на фронт, поэтому колхозницы сами впряглись в плуг вместо животных. К этому непосильному труду добавлялись периодические налеты вражеской авиации. Но улетали самолеты и все выходили в поле, чтобы продолжать пахать, сеять и полоть.

Как только всходили посевы, начинались прополка бесконечно длинных грядок. Нельзя было отставать, надо было выполнить тяжелую норму, несмотря на жару и насекомых. Осенью ребят часто снимали с уроков для уборки урожая, хотя на улице уже подмораживало. Зимой тоже было много работы: перебирали зерно на семена в сырых промерзших помещениях. Надо было смотреть очень внимательно, допустишь брак – могли прозвать вредителем.

Как радовались и дети, и взрослые, когда заканчивалась война и пришла победа. Казалось, наступит счастливая жизнь, но до нее было еще далеко, хотя с каждым годом жить становилось чуть легче

Первый и последний раз видел новорожденную дочь

Лидия Ивановна Крайникова родилась 2 октября 1941 года в деревне Красновидово Истринского района. Со слов своей мамы, она вспоминала, как отец, будучи рядом, с разрешения своего командира сумел на короткое время заглянуть домой. Тогда он первый и последний раз видел новорожденную дочь, так как с фронта уже не вернулся. Мама Лидии – Мария Ивановна Крылова – рассказала ей о тяжелом военном времени.

В начале ноября 1941 года, узнав, что фашисты уже находятся в соседней деревне Борки, жители покинули свои дома, не желая находиться под гнетом захватчиков. Лишь один житель преклонного возраста, не ушедший со всеми, остался в своем доме и во время пожара находился в подвале. Ему удалось выбраться и потушить свой дом.

Семью Марии Ивановны с грудным ребенком на руках приютила родственница в Красногорске, жили очень тесно, все в одной комнате. Мария Ивановна устроилась работать на трикотажную фабрику. Находясь на работе, ей приходилось обматывать пеленки вокруг своего тела, что их скорее высушить своим теплом.

После освобождения родной деревни семья Крыловых вернулась в Красновидово. Постепенно начали налаживать разоренное хозяйство и строить новый дом на месте пепелища.

Мария Ивановна Крылова прожила долгую жизнь – более 90 лет. До последнего дня за ней ухаживала ее дочь Лидия Ивановна Крайникова

Над местным населением не издевались

Я родилась 19 февраля 1941 года в деревне Подгорское Куркинского района Тульской области в простой деревенской семье. Мне было 4 месяца, когда началась война, папу забрали на фронт. Конечно, маме было тяжело с двумя малолетними детьми (брат 1933 года рождения), но помогали жившие рядом родители папы. При бомбежках, по рассказам моей бабушки, мы прятались в подвале. Потом в деревню пришли немцы, но над местным населением не издевались, хотя в соседнем селении фашисты сжигали дома и забирали молодежь в Германию.

Папа мой прошел войну от начала до конца: был в Австрии, Венгрии, дошел до Берлина. Побывал он и в плену, но слава Богу, вернулся домой живой и невредимый. Несмотря на то, что я была маленькая, момент возвращения папы помню. Через год он уехал в Сталиногорск (ныне Новомоскоавск) на строительство электростанции. Я пошла в школу. Помню в Новый год детям давали подарки и какую-то маленькую булочку. А что можно ждать, если мы ели блины из мороженой картошки. Да такие вкусные они были!

Два класса я закончила в деревне, а в третьем училась, когда переехали к папе. Жили в бараке, в одной комнате, которая была сразу и кухней. Работа у папы вскоре закончилась, и мы уехали в другой город на строительство следующей электростанции. Так мы переезжали с места на место, я окончила школу, техникум, вышла замуж, а в 1969 году приехали в Павловскую Слободу.

«Бутерброды с винтовочным маслом»

Родилась я в селе Павловская Слобода сразу после войны, 1946 году. Окончила школу, затем получила медицинское образование. В настоящее время живу в Туле. В мою детскую память врезались рассказы моей мамы, Веры Федоровны Митрюхиной (в девичестве Садовниковой) , о военном времени, которые до сих пор будоражат душу и мне, и моей сестре Елене Александровне. (в замужестве Комоловой)

Нашей маме в 1941 году было 17 лет. Жизнь только начиналась: хотелось петь, танцевать, любить. День начала войны запомнился ей на всю жизнь: солнечный, теплый, летний день. Ее мама и наша бабушка, Елена Васильевна (уроженка деревни Веледниково), пришла с продуктами из магазина. Из радиоприемника услышала про начало войны – наступила оглушительная пугающая тишина. Оказалось, все страшные звуки были впереди.

Работала моя мама и все ее подружки – одноклассницы на военной базе № 38 в Павловской Слободе – собирали винтовки для фронта. Работали круглые сутки с небольшими перерывами на сон. Постоянно хотелось есть и спать. Остатки масла, которым обрабатывали оружие, иногда намазывали тоненьким слоем на хлеб, и эти бутерброды с винтовочным маслом им тогда казались очень вкусными. А еще на полях собирали лебеду, варили ее и ели. Они знали все съедобные травы.

Когда фашисты приблизились к Павловской Слободе, базу вместе с работниками эвакуировали в город Вахруши Кировской области. Жить пришлось в чужой семье, теснились, но их приняли как родных : горе было одно на всех. Через год завод вернулся в родное село, люди продолжали работать на фронт. После войны мама устроилась работать в Тушино на чулочную фабрику. Война наложила отпечаток на мамино здоровье, всю оставшуюся жизнь она тяжело работала, несмотря на тающие силы, воспитала двух дочерей, дождалась двух внуков.

Вера Садовникова с родителями

Из детских воспоминаний

Нас много родом из глубинки,
И всех роднит одна судьба:
Год сорок первый, те картинки –
Запала в душу нам война
Мы страха много натерпелись,
Но в горе выстоять смогли.
На равных с мамами трудились,
Им очень в жизни помогли.
Из-за войны они терпели
В тылу тот непосильный труд,
А поздним вечером летели,
Чтоб на детей своих взглянуть.
Чтоб обогреть и приголубить,
И накормить, чем Бог послал.
И у коптилки перескажут,
Что папа с фронта им прислал.
А в Новый год нарядят елку,
И винегрет мы помним тот...
И белой кофту – не с иголки,
Что мама наспех простирнет

Анна Павленко

С Уважением,

*Архивный отдел управления делами администрации г. о. Истра
(с использованием материалов Сергея Юрьевича Мамаева)*